

И невозможное возможно

Сегодня молодая актриса Виктория Верберг — одна из ведущих в Московском театре юного зрителя. Последняя работа — Варвара в “Грозе”. Но оказалась она в Мтюзе не сразу, ее недолгий еще творческий путь начинался весьма драматично.

— Виктория, вы из театральной семьи?

— Нет. Мама моя — простой советский инженер, папа тоже не имел никакого отношения к искусству. В театральный я пошла, потому что ничего другого делать не умела. Отправилась поступать, нагло не выучив ни одного стихотворения. Нигде не проходила дальше II тура, а в ГИТИСе мне даже объяснили причину: “Полное отсутствие сценических данных”. Один год так прошел, следующий тоже. А время тогда было сложное: судили за тунеядство. С учебой у меня не получилось, с работой тоже. Куда бы я ни устроилась, отовсюду выгоняли за опоздания и прогулы. Видимо, боязнь попасть за решетку сделала свое дело, и я наконец-то поступила сразу к Эфросу в ГИТИС и к Ефремову в Школу-студию МХАТа. Дальше про-

изошла загадочная история. Мне ночью позвонили из ГИТИСа и сказали следующее: “Вот ты тут сидишь, а Эфрос бегаёт по садику, ищет тебя”. Что это значит, я не знаю до сих пор, но сознание того, что Эфрос меня, девчонку, “ищет” — убило наповал. Так что тот ночной звонок решил мою судьбу, и я стала студенткой Эфроса.

— Интересно было учиться у Эфроса?

— Мы начали сразу с Шекспира. “Возьмите сцену из “Гамлета”, сделайте и покажите” — так это было. Курс у нас был актерско-режиссерский, режиссеры на нас оттачивали свое мастерство, мы — на них. Люди мы были молодые, горячие, талантливые, казалось, что, чем мудренее мы накрутим, чем больше напридумаем ерунды всякой, тем будет интереснее. А Эфрос всегда го-

ворил: “Научитесь делать просто. Если вы постигнете азы математики, то научитесь решать сложные алгебраические задачи”. Как замечательно он с нами разговаривал, слушал нас, как наблюдал за нами в перерывах, как улыбался. У него были очень хорошие глаза, очень добрые.

— Эфрос рассказывал вам о том, что происходило на Бронной, на Таганке?

— Он ничего не рассказывал, мы сами были свидетелями всего, потому что наши занятия проходили сначала на Бронной, потом — на Таганке. Все это было при нас.

— Как случилось, что вы стали работать с Генриеттой Яновской?

— Трех человек Эфрос брал на Таганку, и меня тоже. Но в январе, в день рождения моей мамы, мне позвонили и сказали, что Анатолий Васильевич умер. Состояние было ужасное, чудовищное. Конечно, ни на какую Таганку мы не пошли, и вообще было понятно, что, видимо, моя актерская карьера закончена, потому что я понимала, что таких режиссеров больше нет на земле. Но потом кто-то попросил меня подыграть на показе в Мтюз. Артисту, который показывался, отказали, а я их заинтересовала. Но работа в детском театре не вошла в мои планы, и я ушла. Пропала на год. За это время с упоением и бесплатно работала в какой-то студии, которая очень быстро распалась. Делать было нечего, и я снова пошла в Тюз, Яновская меня взяла. Тут же дала работу, и как только начались репетиции, я поняла, что это — мой режиссер, и дай Бог, чтобы она чувствовала и думала

как можно дольше, что я — ее актриса.

— Как строятся репетиции у Яновской?

— Она, конечно, знает, чего хочет, но всегда дает возможность самому во всем разобраться. И в результате ты совершаешь открытие, которое ей нужно. Я часто на репетициях восклицаю: “Это я придумала, Генриетта Наумовна”. Она отвечает: “Конечно, Виктория, ты”. А на самом деле это, наверное, не всегда так.

— Чего она ждет от актера, что ее может расположить к нему?

— Талант, работоспособность, искренность, желание идти на преодоление, я думаю.

— Что недопустимо, если работаешь с Яновской?

— Предательство.

— У вас сейчас три роли: Варвара в “Грозе”, Сарра в “Иванове” и Булота в “Оффенбахе”. Какая из них более важна для вас?

— Они такие разные, и это замечательно. Я бы и не подозревала, что такая “многогранная”, это Яновская мне помогла.

— Для вас сейчас возможно работать с другими режиссерами?

— Конечно, возможно. И не просто возможно, а нужно. Я в очень хорошей форме. Я все могу.

— У вас есть роль-мечта, или пока все сразу воплощается?

— Пока воплощается. Хотя мне кажется, что все лучшее у меня в будущем.

Беседу вела
Катерина АНТОНОВА